

А. Виноградов

Черный консул

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.6
ББК 84-4
А11

А11 **А. Виноградов**
Черный консул / А. Виноградов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 230 с.

ISBN 978-5-4241-3065-6

Историческая повесть Анатолия Виноградова "Черный консул" посвящена событиям, происходившим во Франции во второй половине XVIII века и первых годах XIX века. Повесть состоит из трех частей: "Белая Франция", "Красная Франция" и "Черная Франция". В ней рассказывается о великих событиях и лицах того времени.

ISBN 978-5-4241-3065-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© А. Виноградов, 2021

Анатолий Виноградов
Черный консул

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. БЕЛАЯ ФРАНЦИЯ

1. ТЕНИ ПАРИЖСКОЙ НОЧИ

*Да, впрочем, можно ли в том сделать
ей утрек,
Что меж приезжих Адонисов,
К несчастью, такой нашелся чело-
век,
Что в сумерки гулять под тенью
кипарисов
Они уводят дам, что с ними за сте-
ной
Уж восемь дней живут под кровлею
одной.
Виланд, «Вастола». Изд. Александра
Пушкина, Спб., 1836.*

В отличие от зимы 1788 года революционный декабрь Парижа сопровождался большим снегопадом. Снег начался с внезапного налета бури; облака закрыли солнце, яркое небо потускнело, и наступили серые сумерки. Монах из конгрегации святого Мавра записывал в «Анналах страшных событий», что снег падал, не останавливаясь ни минуты, пятьдесят два часа, то есть всю мессу, повечерие, литанию, полуношницу, отпевание маркиза д'Абевиля и часы Блаженной Девы Марии *дважды*. А парижские ремесленники отметили в своей памяти, что в этот день прекратилась доставка муки в город и обыкновенный ливр грязного хлеба обошелся им в булочной в семь с половиной су.

Снегопад кончился в полнолуние. Париж почти опустел. На глубоком нетающем снегу копыта верховых лошадей ступали без стука, а кареты почти бесшумно оставляли длинный след. Кучера не кричали «гарр», пешеходов почти не было.

В поздний час по улице Генего пробирался с фонарем человек в треуголке, в черной маске, усталый, судя по тому, как он опирался на высокую трость, а впереди, освещая и без того светлую дорогу, кидая по белому снегу двойную тень — синюю от луны и коричневую от восьмигранного дымящего и мигающего фонаря, — шел не то слуга, не то провожатый. Он шел, покачивая маленькую островерхой шапкой, злой и ворчащий, как зверь, а его «господин» следовал молча, погруженный в свои мысли.

Слуга обернулся на перекрестке и спросил:

— Ну, куда же теперь? Ведь уже скоро рассвет, а вы еще не надумали, где будете ночевать. Я вам говорю, вернемся в восемнадцатый номер на улице Кордельеров, я вас уложу под лестницей и положу вам под голову вот этот тюк, а сам, как собака, буду спать у двери. Я не могу больше идти... Мне надоело рисковать собою из-за каких-то корректур.

Человек в маске закашлял, потом махнул рукою, хотел что-то сказать, но в это время из переулка, задыхаясь, вышли двое, и женщина, закутанная с головой, дрожа от стужи, бросилась к человеку в маске, ведя с собою не менее закутанно-

го спутника, ставшего в тень углового дома.

— Гражданин! — крикнула она. Потом вдруг остановилась, увидев маску. — Сударь! Милостивый государь! Маркиз, быть может! — все больше и больше волнуясь, умоляюще произнесла она. — Скажите, где живет знаменитый доктор Кабанис? Человек умирает, его надо спасти...

— Парижская умир полна теньями, — ответил человек в черной маске, — гражданка, я не маркиз, а такой же гражданин, как вы... Если, впрочем, ты не аристократка! Тебе известно, что доктор Кабанис нынешней осенью не возвращался из Версаля и что немало других докторов в Париже...

— Но где же они все, гражданин, где все они?.. Я с вечера на ногах, и вот приезжий родственник больного... мы не можем найти ни одного врача... Доктор Кабанис... Разве мы можем рассчитывать на его внимание? Но его имя у всех на устах, мы пошли к нему... Мы ищем в четвертом квартале, и везде говорят, что он уже уехал на другую квартиру.

— Уже уехал, — повторил человек в маске, покачивая головой, — уже уехал, когда-то про меня это скажут?

— Боже, какое счастье! Неужели вы врач? — воскликнула женщина.

— Да, я врач, но не уверен, что это счастье. Кто ваш больной и почему говорит женщина, когда мужчина молчит и прячется в тени? Может быть, этот стройный господин — агент муниципалитета и хочет сделать мне неприятное?

— О нет, господин, я совсем не агент, — внезапно заговорил закутанный человек. — Я даже не парижанин. Я не меньше, чем вы, страдаю от парижской зимы, а мой бедный родственник, вероятно, от нее умрет.

— По говору вы — испанец, — сказал врач. — Мне все равно... Лишь бы не аристократ.

— О нет, во всяком случае нет, — горячо заговорил закутанный иностранец.

— Вот что, дорогой Лоран Басе, — обратился доктор к человеку с фонарем,

— ты прав, иди сам туда, куда ты меня звал, и отнеси этот тюк с лекарствами, который ты таскаешь на себе. Завтра я буду сам лечить этими лекарствами весь Париж, а сегодня буду лечить заболевшего иностранца.

— Оставьте себе хоть фонарь, — произнес провожатый.

— Зачем мне будет нужен утром фонарь, когда над Парижем взойдет солнце? Иди себе, старый черт, с твоим фонарем и тащи медикаменты, которыми будет со временем вылечен наш больной Париж... Прощай, дружище Лоран... Не проедайся... Ну, не трать дорогого времени, мы должны заставить молодых девушек и ремесленников предместья плясать на земле, а богачей и аристократов плясать между небом и землей.

Женщина и ее спутник переглянулись быстро. Закутанный человек сказал:

— Вы, конечно, переночуете у нас, доктор, а потом экипаж доставит вас под утро всюду, куда вы пожелаете.

Тот, кто был назван именем Лорана Басса, повернул назад и, мерно покачивая фонарем, пошел по снегу, а доктор, продолжая разговор, двинулся туда, где ждали его помощи.

Шли долго... И как-то странно все замолчали... Доктор, внезапно повернувшись, хотел что-то сказать, но гулкие выстрелы из мушкетенов на другом берегу Сены изменили его намерения. Прошло еще несколько минут беззвучных шагов по снегу, безмолвных мыслей и молчаливых догадок.

— Тридцать девять выстрелов с промежутками, — сказал доктор. — Как далеко нам идти?

Закутанный человек пожал плечами. Женщина быстро выступила вместо него:

— Мы пройдем Новый мост и Самаритэну, потом около моста Ошанж свернем направо... Вот и все.

— Хорошо, — сказал доктор и вдруг, быстро вбежав на ступеньки ближайшего здания, спрятался за колонной.

Спутники, слегка замедляя шаг, продвинулись вперед. Роскошная, ярко освещенная карета, запряженная четверкой, двое слуг и фореитор. Человек, откинувшийся на атласных подушках, без парика, обмахивающийся шляпой с плюмажем, — все это быстро промелькнуло перед ними.

— Вот он, — задыхаясь, говорил доктор после проезда экипажа. — Вот он, господин Мирабо, проматывающий королевские взятки, спасающий шкуру Капетингов, этих кровососов Франции... недавно сидевший за долги, а теперь катающийся на пуховых подушках в золоченой карете. Этот болтливый вор и негодяй с продажной душонкой, не стоящий плевка проститутки Пале-Рояля или даже пьяной либертинки, стонущей под матросом в трактире Гавра.

Кулаки доктора сжимались. Маска соскочила, треуголка сбилась. Легкий тюрбан из голубого шелка повязывал голову хрипящего в негодовании человека. Он стоял на лестнице, освещенный полной луной, протягивая вперед прекрасную, словно выточенную, руку, а лицо с треугольным подбородком, маленьким носом, складками горечи около губ морщилось безумным гневом, хотя глаза сохраняли звездный блеск. Они были огромны, печальны и в то же время необычайно жизненны. Он смотрел на своих незнакомых спутников, но, казалось, их не видел. В нем было и бешенство и детская беспомощность, как у человека, давно потерявшего представление о личной жизни. Мгновение спустя он успокоился. Он поднял маску и, вплотную подойдя к своему спутнику, вскинул на него строгие и пронизательные глаза.

— Я не спросил вашего имени, кто вы такой, — почти сердито обратился он к мужчине.

— Не все ли вам равно? — ответил тот. — Если вы врач, не все ли вам равно.

— Дорогой друг, — сказал доктор, — есть парижане, которым я могу оказать только одну хирургическую помощь — перерезать им горло.

— Тот, для кого мы просим вашей помощи, не парижанин и даже не француз. Что касается меня, то извольте, сударь, я назову себя. Мое имя Адонис Бреда.

— Это очень жаль, это очень жаль, — зашипел доктор. — Бреда, это тот самый, который укрыл заговорщика графа де Майльбуа, покушавшегося на свободу французского народа?..

Тот, кто назвал себя Адонисом, с горечью коснулся ладонью лба и сказал:

— Вы ошибаетесь, доктор, вы ошибаетесь. Владения Бреда, которому, увы, я должен в этом сознаться, мой покойный дед принадлежал как раб, находятся не в Париже, не во Франции. Они за океаном, как вы сейчас все узнаете. Пойдемте поскорее.

— Хорошо, — сказал доктор, — я верю. Я все проверю. Вы вспомните каждое ваше слово.

— И вы тоже, доктор.

— Вы мне угрожаете?

— Нет, я далек от угрозы, но я боюсь за участь человека, который нам всем бесконечно дорог, хотя он и называется нашим общим слугою.

— Не останавливайтесь, доктор, пойдемте. Дорога каждая минута, умоляю вас, — простонала женщина.

— Бреда... Бреда... Вы хотите заманить меня в ловушку, гражданин, но я вооружен, я буду защищаться.

И доктор вдруг отступил, откинув тяжелый плащ. На белом атласном жилете, почти достигая выреза кружевного жабо, лежал широкий темно-красный пояс, из-под которого виднелись рукоятка большого кинжала и два корабельных пистолета.

— Я безоружен, — тихим голосом ответил мужчина.

Этот волнующий тремолированный голос успокоил доктора. Женщина схватила его за руку. Мир казался восстановленным. Но внезапно патруль Фландрского полка, звеня шпорами, вышел из переулочка. А в отдалении улицы показались огни кареты.

Доктор и женщина быстро вбежали по ступенькам и спрятались в тень.

Караульный разводящий издал крикнул: «Стой!» Адонис перешел улицу и быстро пошел вперед навстречу патрулю.

Когда офицер просматривал синюю «гражданскую» карточку Адониса, сворачивая с ним вместе в переулок, встречная карета, зацепив за выступ дома, уронила правые колеса и грохнулась на оснеженную улицу.

Женщина, схватив доктора под руку, быстро побежала с ним в противоположную сторону и, почти катясь по выступам каменной набережной, еле переводя дух, остановилась вместе с доктором в кустарниках, на песчаном берегу Сены, под Новым мостом и скрылась в черной тени огромной каменной арки. Вдали виднелась Самаритэна с крестами и выступами. В кустарнике храпел нищий, а его собака, видя сны, выла тихим воем, словно напевала какие-то старые собачьи песни. Вдалеке луна освещала огромные пролеты моста Ошанж и бросала колоссальные тени трех его арок на поверхность черной, ночной, испещренной серебряными стрелами Сены.

— Гражданка, — сказал доктор, — я не хочу ночевать под мостом в декабрьскую стужу в кустарнике и собачьем помете. Господин Вольтер писал господину Руссо: «Никогда еще не тратили столько ума на попытку снова сделать нас скотами. Когда читаешь ваши книги, так и хочется пойти на четвереньках...» Так вот, гражданка, мне надоело не спать на постели, мне надоело превращаться в животное, мне вовсе не хочется ходить на четвереньках. Гражданка, твой спутник сказал, что у вас в доме заболел какой-то слуга, а мне надоело возиться с челядью, так как лакеи графа д'Артуа оказались порядочными сволочами, они все стоят за дворян, они все против революции, но они все доносчики и пакостники от имени Учредительного собрания...

— Подожди, дай мне кончить, — продолжал он, расхаживая под мостом и беспокойно теребя перламутровые пуговицы на грязном атласном жилете. — Что за беспокойная жизнь! Две недели подряд я ночевал в конюшнях Бонафуса. Проклятые голодные почтовые клячи заразили меня чесоткой! Что это за жизнь! Это какой-то ад, и все по доносу тех, кому через неделю палач перережет горло, кому народный гнев приготовил виселицу. Послушай, гражданка, вряд ли тебе

есть охота выслушивать мою ругань. Но ведь если б я был способен ходить на задних лапках, я бы уже давно сидел во Французской академии вместе с первыми лизоблюдами Франции. Однако я не сделал этого. Я ответил отказом. Зато теперь я умею не только лечить болезни, я знаю состав света и звезд, я умею разложить и сложить солнечный луч, я знаю, как возникают в природе цвета и краски.

Женщина с ужасом смотрела на говорящего и думала, что доктор бредит. Но тот ходил большими шагами, вскидывая огромные сверкающие черные глаза навстречу потокам лунного света, струившимся сквозь большие хлопья медленно падающего снега. Потом, резко повернувшись, словно забыв о своей спутнице, доктор полез на набережную, цепляясь за кусты. Женщина последовала за ним.

Никто не мешал дальнейшему пути. Женщина шла вперед. Доктор следовал за ней почти машинально. В темном переулке, под фонарем, мигающим от ветра, огромный человек с дубиной сделал несколько шагов навстречу женщине.

— Послушай, Жоржетта, неужели ни одного врача в этом проклятом городе! Ведь он совсем умирает и кашляет кровью. Он бредит... Никто из тринадцати до сих пор не вернулся.

— Я привела врача, — сказала та, которую называли Жоржеттой.

Доктор, женщина и человек с дубиной вошли по скрипучим ступенькам в первый этаж.

Ночники, подвешенные на стене в виде кенкетов, тростниковые циновки на полу, легкий, едва слышный запах горьковатого гвоздичного масла и мускуса встретили вошедших.

Женщина скользнула в дверь, вернее — сквозь занавес из бамбуковых коленей, зазвеневших, когда она их открывала.

— Присядьте, сударь, — сказал высокий человек, и тут вдруг впервые доктор увидел его лицо.

Перед ним был огромный негр с глазами на выкате и черными короткими, завитыми в крутые кольца волосами. Он не был похож на раба. Он посмотрел на доктора «концентрированным», пронзительным взглядом и мгновенно погасил эту горячую пылкость взора. В последующие секунды доктор услышал, как двери пропели, закрываясь и открываясь перед ушедшим гигантом.

«Вот еще новое приключение», — подумал доктор. Но двери опять запели, и уже другой черный человек, почтительно ему поклонившись, повел его к больному.

На большой кровати под белым тонким матрасом с огромными стегаными оранжевыми цветами лежал, закинув руки на белую подушку, маленький, черный остролицый человек, и тонкая струйка крови окрашивала белую подушку, пачкая левую щеку больного. Доктор подошел к нему и взял его за руку. Она была горяча. Больной сипло дышал и в ответ на прикосновение застывшей руки доктора открыл глаза. Повода лихорадочными черными зрачками невидящих глаз, скорее зашипел, чем заговорил, слова:

Haec mera libertas! hoc nobis pillea donant.

An quisquam est alius liber, nisi ducere vitam, Cui licet, ut voluit? licet ut volo vivere: non sum Liberior Bruto? — Mendose colligis, inquit Stoicus hic aurem mordaci lotus aceto, Haec reliqua accipio licet illud et ut volo tolle.

Vindicta postquam — meus a praetore recessi Cur mihi non liceat, iussit quodcumque voluntas,

Excepto si quid Masuri rubrica vetavit?¹

Доктор выслушивал стук горячей крови в жилах разметавшегося больного негра, прислушивался к звукам странной латинской речи, сиючас вспомянуть, кому из латинских поэтов бронзового века принадлежат эти варварские строчки о свободе. Тем временем комната постепенно наполнялась людьми. Бесшумно входили разнообразные, низкорослые и высокие, курчавые и в седых париках, степенные, спокойные люди в цветных и черных, расшитых золотом камзолах, осанистые, тихие, озбоченные. Потом появился странно бледный высокий и курчавый человек с желтоватыми белками и, проведя рукой по белому парику, сверкая перстнями на правой руке, обнаружил белые руки с синевато-желтыми ногтями.

За стеной выла и стонала декабрьская вьюга. Четыре занавешенных окна отделили от нее. Две жаровни, стоявшие на полу, разливали тепло. Больной, роняя подушку, вырвал руку из пальцев доктора. Доктор встал. Озираясь, он обратился к белому человеку с синими ногтями:

— И выговорите, что это ваш слуга, и выговорите, что это ваш раб! Этот человек, ночью в бреду читающий сатиры знаменитого Персия так, что ему позабывал бы любой академик?! Что это за бред? Неужели я схожу с ума? Кто вы такие?

— Доктор, дорогой доктор, пусть снизойдет покой на ваше сердце, пусть в карманах вашего камзола находится золото, — об этом мы позаботимся, — но спасите нашего раба. Что же делать, маленький остров на далеком океане полон и не таких страшных тайн и чудес. Ваши вопросы заслуживают ответа на условиях полной взаимности. Ведь мы не спросили у вас, при входе диплома парижского университета на право врачевания. Мы доверились вам, хотя знали, что наши люди встретили вас случайно. Мы имели право спросить вас. Если вы не французский врач, то вы можете погубить нашего больного, если наш больной говорит по латыни, с вами ничего не случится.

— Ошибаетесь, гражданин! — закричал доктор, скидывая плащ и треуголку.

— За эти несчастные два месяца я затравлен, как мышь, попавшая в клетку с сотней кошек. Я перестал удивляться. Со мной может случиться все что угодно. Доверюсь вам: я доктор Марат, я Друг народа. Я — человек, затравленный и доведенный до безумия врагами народа.

Шепот пробежал по группе негров. Два-три человека с суровыми лицами и морщинами между бровями сняли шляпы. Сидевшие привстали.

Марат словно проверял впечатление. С головою, въехавшей в плечи, сторбившись и нахохлившись, как больная птица, он ладонью шлепал по рукоятке корабельного пистолета и бешено обводил глазами черных людей, почтительно опустивших головы.

— Наше сердце у ног Друга народа. Перед вами Оже. Меня черные и цветные братья послали к вам, в Великую Конституанту, в поисках наших прав, — сказал человек с бледным лицом и синими ногтями. — Судьба привела вас к нам. Вы будете лечить не только нашего господина, простуженного страшным парижским снегом, но всех нас, тоскующих по свободе и человеческим правам. Вы — Друг народа, вы друг всех, кого воззвала Декларация прав. Вы друг цветных племен,

населяющих Гаити — Страну гор.

— Тише, тише, — сказал Марат, — не так громко! У него опять пошла кровь, — он указал на больного. И, словно позабыв об окружающих, сбросил зимнюю одежду, камзол, вынул пистолеты с кинжалом, распутал узел красного пояса, снял жилет и, оставшись в белой полulistлевой рубашке и голубой повязке на усталой, со смятыми волосами голове, он наклонился над больным. Потом, пальцем подозвав Оже, немногосложными, короткими словамискомандовал принести таз холодной воды, простыню, номера «Национальной газеты» и, сделав огромный обложной компресс, закутал всю грудную клетку больного — стонущего и пускающего в ход кулаки негра. Тот кричал по латыни:

— Ступай, моя книжка, и от меня приветствуй милые места; конечно, коснулся бы я их ногою, насколько возможно. Если кто-нибудь там из народа, не забыв меня, спросит случайно, что я там делаю, — скажи, что живу, но на вопрос, благополучно ли, отвечай отрицательно!

— Что же, он изгнан, ваш Раб-Господин? Он читает Овидия. Его родной язык — язык изгнанников и римских врагов. Кто это? Говорите прямо. Уверяю вас, он вне опасности. Мне опаснее ходить по улицам Парижа, чем ему лежать здесь в постели.

Негры сокрушенно закачали головами. Словно при виде чего-то недозволенного, они по порядку вставляли один за другим через какие-то строго размеренные промежутки времени и с видом смущенного достоинства выходили из комнаты один за другим. Марат, окунув кусок полотна в холодную воду, выжал материю и, осторожно расправив, сделал повязку на лбу больного, который, откинув голову за пределы подушки, дышал, как птица, жадно ловил воздух и метался. Огромная черная ладонь негра упала на голову Марата, сбила голубую повязку; волосы спустились на лицо доктора. Он встал, тихо отошел от постели, поправил свои волосы и стал готовиться к уходу. Когда он надевал плащ, больной вдруг вытянулся, губы его сомкнулись, и лицо, до того искаженное гримасой боли, вдруг стало спокойным, красивым и грустным. Марат протянул руку к пистолетам, засунул их за пояс, как вдруг раздалась совершенно ясно через три двери идущие восклицания и стук булавою:

— Именем короля!

Марат повернулся на каблуках, потом заметался по комнате, но в эту минуту вошел Оже, спокойный и улыбающийся. В руках у него было блюдечко и белый кусок хлопчатой ваты. Осторожно подойдя к Марату, он сказал:

— Сядьте, доктор, они войдут еще не скоро.

Марат беспомощно опустился на плетеный стул. Оже окунул комок хлопка в блюдечко и, прежде чем успел опомниться Марат, выкрасил ему лицо и руки в коричневый цвет. Молодой негр, войдя в комнату, быстро раскинул по полу циновки и тростниковый подголовок вместо подушки. Оже быстро и решительно снимал, почти срывал с Марата его одежды, завязав плащ, быстро кинул узел на руки негра и знаком приказал Марату лечь.

— Не раскрывайте глаз, не раскрывайте глаз, — шепнул он ему. — Ваши глаза останавливают звезды и закрывают солнце.

Марат повиновался. Вдыхая запах погашенного кокосового ночника, он лег под тюфяк, пропахший гвоздичным маслом и ванилью. Марат слушал, как сонный, словно качание корабля на мертвой зыби, далекий голос. Кто-то ворчливо,

медлительно и недовольно переспрашивал через дверь. Вошли, гремя прикладами, гвардейцы. Потом наступила тишина. В двери комиссар на всю комнату возгласил:

— Именем короля и по приказу господина начальника парижской Национальной гвардии маркиза де Лафайета.

— Тише, тише, здесь лежит больной, — сказал вошедший в другую дверь Оже. — Здесь только двое наших слуг. Осмотрите, гражданин комиссар.

— Я не комиссар, а слуга короля, — сказал начальник. — Мы не можем поймать этого неуловимого Марата, но мы сейчас поймали его слугу Лорана Басса с корректурами преступной газеты «Друг народа», и хоть он удрал от нас, но мы знаем, что яблоко недалеко падает от дерева. Наши отряды ищут Марата по всему округу.

— Гражданин...

— Я не гражданин, а офицер его величества короля.

— Господин, — продолжал Оже, — мы не знаем того, кого вы ищете. Нам неизвестен господин Басе и господин Марат. Здесь только...

— Что здесь только? Здесь только притон негров. Слуга покойного деда нынешнего короля, мой дед Эснамбук, имел десять тысяч таких черномазых, как вы. Когда он въезжал в Париж, десять золоченых карет везли его свиту и имущество. Его встречали министры, король у него обедал, кардинал Ришелье брал у него деньги взаймы... Проклятое время! — сказал офицер, садясь за стол и шпагой цепляя ночник.

Горящее масло побежало по скатерти, комната осветилась, и стены покрылись бегающими тенями. Негры, стоящие в комнате, молчали. Офицер осмотрелся, не обращая внимания на горящий стол, и сказал:

— Ну, кажется, здесь только одни черные. Этот негодяй Марат не отвечает на предписания властей, не является вовсе, пишет дерзкие письма в полицию о том, что если триста тысяч его ловят, а триста одна тысяча его прячут, то он никогда не попадет в руки властям. Неужели весь округ Кордельеров состоит из маратистов? Какие времена! Какая полиция! Словно младенцы, не могут разыскать типографию, где напечатан восемьдесят третий номер «Друга народа». Повесить бы всех типографщиков! Запретить бы печатать книги! Все зло и несчастье королевства от науки и печати!

Офицер заходил большими шагами по комнате. Негры, молча и бесшумно ступая по циновкам, убирали горящую скатерть. Другие поставили на стол шандалы. В комнате стало почти темно. Офицер продолжал, обращаясь к здоровенным сопровождавшим его солдатам:

— Ну что же, кончили?

— Еще осталась мансарда, — ответил рослый гвардеец в ботфортах и с седыми усами, оглушительно звеня шпорами при каждом движении.

— Скорее, скорее, — сказал офицер. — Разве год тому назад я думал, что мне так придется проводить ночи! Тогда девушки Пале-Рояля дюжинами сидели за столом в задних комнатах кофейни Робер-Манури. Тогда по двадцать свор лучших борзых мы выпускали в Бретани на графской охоте, тогда никаких Генеральных штатов не собирали в Париже и банда безродных буржуа не осмеливалась против воли короля назвать себя Национальным собранием. А сейчас... Впрочем, что сейчас! Если б я был королем, я перестрелял бы всех перепелов, чирикающих в